

УДК 811.161

**НОМИНАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ БЕЛАРУСИ:
ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ
ИЛИ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НАД ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТЬЮ
(на региональном материале Витебщины)**

Ключевые слова: *топонимы, урбанонимы, нормы номинации, транслитерация географических названий, справочник «Названия населенных пунктов Республики Беларусь».*

Отсутствие должного правового внимания к вопросам номинации, политико-исторические особенности возникновения названий обусловили ряд нерешенных проблем в области белорусской топонимики. В последнее десятилетие была предпринята попытка снять имеющиеся противоречия и урегулировать ряд проблемных моментов. Однако процесс нормализации в данной сфере нельзя считать законченным. Это касается и действующих в Беларуси правил номинации географических объектов, а также их транслитерации на латиницу, что и стало главным предметом краткого критического анализа, представленного в настоящей статье. Актуальность предлагаемой тематики связана с неоднозначным восприятием предлагаемых норм, а в некоторых случаях и полным пренебрежением ими как со стороны общественности, так и административного госаппарата.

А.А. Lavitski, T.N. Petrashko
Vitebsk State P.M. Masherov University

**NOMINATIONS OF GEOGRAPHICAL OBJECTS OF BELARUS:
ISSUES OF ONOMASTIC ECOLOGY OR EXPERIMENTS WITH
THE LANGUAGE PERSONALITY
(material of Vitebsk region)**

Key words: *toponyms, urbanonyms, nomination norms, transliteration of geographical names, “Names of Settlements in the Republic of Belarus” Directory.*

Lack of proper legal attention to the issues of nomination, to political and historical peculiarities of the emergence of names has caused a number of unsolved problems in the field of Belarusian toponymics. In recent years an attempt has been made to remove the contradictions and settle a number of problem issues. However, the settlement process can't be considered finished. This refers both to the geographic names nomination rules acting in Belarus and to their transliteration into the Latin alphabet, which is the object of a brief critical analysis presented in the article. The offered topic is urgent due to an ambiguous perception of the suggested norms and, in some cases, due to their complete disregard by both the public and the administrative officials.

Сегодня можно смело утверждать, что для ономастики Беларуси последнее десятилетие было отмечено процессами нормализации сферы номинации в области топонимики, в том числе и на региональном уровне, позволяющем говорить о «формировании региональной идентичности» [1, 9]. Активная деятельность топонимических комиссий при Совете Министров и Национальной академии наук, завершение работы над изданием «На-

звания населенных пунктов Республики Беларусь» позволили применить унифицированные требования к номинации географических названий в нашей стране на государственных языках, а также их транслитерации. Однако проблем в данном направлении, как нам кажется, ничуть не уменьшилось. Наверное, нельзя сказать, что и общество однозначно приняло новые нормы. Достаточно вспомнить, какой резонанс в 2014 году вызвали представленные на латинице названия станций минского метрополитена.

Обращаясь к географическим названиям, следует согласиться с мнением профессора А.М. Мезенко, которая корни современных номинативных проблем Беларуси усматривает в том, что в течение столетий официальная фиксация топонимов осуществлялась то средствами польского, то средствами русского языка, что приводило к закреплению в качестве официальной нормы искаженной формы номинации [2, 200]. И, несомненно, предпринятая попытка разрешить данные противоречия достойна похвалы. Правильным, с нашей точки зрения, является и тот факт, что в основу номинативной политики был положен национальный принцип, закрепивший приоритет и первичность белорусского языка. Таким образом, в области ономастической экологии был сделан если не прорыв, то значительный шаг вперед. В то же время такая увлеченность строгим соблюдением норм и правил привела к пренебрежению ими в ряде случаев. В данной статье мы обратимся к двум таким прецедентным примерам – номинациям географических объектов Витебщины: города *Мёры* и городского поселка *Лёзна* (оба – административные центры районного значения).

До принятия норм, согласно которым передача названий географических объектов на русский язык происходит путем транслитерации с белорусского языка, и выхода в свет уже упомянутого справочника «Названия населенных пунктов Республики Беларусь» указанные топонимы имели русскоязычные эквиваленты *Миоры* и *Лиозно*. Хотя в данном случае применять форму прошедшего времени глагола «иметь» будет не совсем верным. Если обратиться к официальным источникам (сайты областного и районных исполнительных комитетов), материалам местных публицистических изданий, то можно убедиться, что новая норма не используется вообще. Это мы можем наблюдать и в сфере бытовой коммуникации. Думается, что причина такого отношения общества имеет глубинные смыслы: речь идет не просто о нормах правописания, а о необходимости внести изменения в когнитивный код языковой личности. И касается это не обоим представителя социума, а всех его членов. Возможно ли это, учитывая немотивированный характер предлагаемых изменений, а также иррациональную сущность языка? Как показывает практика, пока это не удастся. Хотя данный факт отнюдь не свидетельствует о том, что сегодня необходимо отказаться от принятых норм. Скорее, следует говорить о введении ряда исключений в отношении номинаций, укоренившихся в ономастическом пространстве региона и ставших частью его культурного кода. Ведь до сих пор двойное название этих городов никоим образом не мешало процессу коммуникативного обмена, не приводило к путанице или проблемам межкультурного взаимодействия. Наоборот, в таком положении дел усматривается национально-культурная специфика топонимики Беларуси. Никто, например, не обсуждает всерьез необходимость изменения русскоязычного написания и произношения названия столицы Китая, несмотря на то, что они отличны от собственно оригинального фонетического варианта («Пиньинь») или принятого в большинстве стран мира («Бэйцзин»). Сложно представить, что в русский или английский языки проникнет норма, требующая номинации Германии в соответствии с правилами немецкого языка – «Дойчланд». Еще более нелепым для страны с официальным белорусско-русским двуязычием, стало бы закрепление подобных норм для номинации внутригородских объектов (урбанонимов): «Площа Перамоги», «перавулок 26-га Чэрвеня» или «вулиця Чырвонаармейская». Такой подход приведет к неминуемым коммуникативным проблемам и различным

курьезам. А вот результаты такого рода эксперимента, как нам кажется, спрогнозировать несложно: новые номинации не приживутся в сознании языковой личности.

В условиях белорусского билингвизма использование действующих инструкций влечет возникновение прецедентных урбанонимов. Так, транслитерированное на русский язык название улицы *Святочная* носитель языка, скорее всего, по созвучию будет ассоциировать со словами «святость», «святынь», а не с «праздником». Витебская улица *Дывановая (Ковровая)* создает семантические параллели с мебелью, а не с изделием из пряжи. Вряд ли здесь можно говорить о понимании национальной или культурной составляющей онима.

Обозначим и еще одну проблему, связанную с транслитерацией географических названий буквами латиницы. Действующая «Инструкция по транслитерации географических названий Республики Беларусь буквами латинского алфавита (сфера действия общеобязательная)» содержит приложение с Таблицей транслитерации букв белорусского алфавита буквами латиницы, позволяющей без особых усилий передать соответствующие белорусские номинации на иностранный язык. Однако внимательное изучение предложенных буквенных соответствий вызывает некоторые вопросы. Во-первых, возможно ли было не вводить диакритику для букв «щ», «ш», «ў» и «ж», что не распространено в языках, использующих латиницу? Например, при транслитерации личных имен, которая также осуществляется с белорусского языка, диакритические знаки не используются (сравним: *Шуміліна* – *Šumilina* и *Шаверынава* – *Shaverynava*; *Чавусы* – *Čavusy* и *Чуркін* – *Churkin*; *Нясвіж* – *Niasviž* и *Жана* – *Zhana* и др.). Думается, что вариативность правил транслитерации для разных видов антропонимов выглядит, по меньшей мере, алогичной.

Во-вторых, обоснован ли отказ от использования буквы «g»? Авторы Инструкции связывают этот факт со стремлением сохранить таким образом общность с действующим в Российской Федерации ГОСТом, так как белорусской топонимике не характерно взрывное «g», передаваемое с русского языка отмеченной буквой «g». Однако данный прием позволил лишь частично унифицировать действующие нормы с российским ГОСТом. Но мотив этой частичной унификации нам, к сожалению, остался непонятен. На практике использование так называемой «белорусской латиницы» также не получило широкого распространения (*Vitebsk State Masherov University* вместо *Viciebsk State Masherov University*). Да и прочтение географических названий, транслитерированных при помощи данных правил, вызывает немало проблем и нареканий.

Таким образом, нормализация и унификация процесса номинации географических названий в Республике Беларусь и их передача на иностранный язык получила в последние годы достаточно серьезное нормативно-правовое обоснование. Это свидетельствует не только о важности прикладных проблем развития национального ономастического пространства, но и приоритетности в его исследованиях. Однако прогрессивное движение в данной области не было поступательным и не позволило разрешить все проблемы. В некоторых случаях предложенные нормы и правила были проигнорированы социумом, в том числе и по ряду объективных причин, что, на наш взгляд, требует детальной доработки уже имеющихся правовых актов, а также учета этого факта в дальнейшем и обязательного введения института общественного обсуждения нововведений в номинативной сфере.

Литература

1. Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов : коллективная монография / под ред. В. А. Масловой, М. Вас. Пименовой. – Минск : УП «Энциклопедис», 2017. – 268 с.
2. Мезенко, А. М. Государственное белорусско-русское двуязычие и проблемы нормализации белорусской ономастики / А. М. Мезенко // Вест. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – Том. 14. – № 3. – с. 199–204.